

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.10>

Самарин Дмитрий Александрович

"ПРОРИЦАНИЕ ВЁЛЬВЫ" КАК ФЕНОМЕН СКАНДИНАВСКОГО МИФОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В статье рассматривается культурологическая и мифологическая составляющая "Прорицания вельвы" - первой и самой знаменитой из песней "Старшей Эдды". Исследование этой песни показало особую роль космогонических и эсхатологических мотивов для исландской и скандинавской культуры в целом. На примере данного памятника древнеисландской литературы установлено значение напоминаний и повторов в эддической традиции. В процессе исследования представлены основные речевые черты, характеризующие героев скандинавских мифов. При этом установлено идейное воздействие "Прорицания вельвы" на дальнейшее развитие скандинавской и европейской мифологии, литературы и других видов искусства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/8-1/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 8(86). Ч. 1. С. 45-48. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-1; 293.11

Дата поступления рукописи: 13.05.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.10>

В статье рассматривается культурологическая и мифологическая составляющая «Прорицания вёльвы» – первой и самой знаменитой из песней «Старшей Эдды». Исследование этой песни показало особую роль космогонических и эсхатологических мотивов для исландской и скандинавской культуры в целом. На примере данного памятника древнеисландской литературы установлено значение напоминаний и повторов в эддической традиции. В процессе исследования представлены основные речевые черты, характеризующие героев скандинавских мифов. При этом установлено идейное воздействие «Прорицания вёльвы» на дальнейшее развитие скандинавской и европейской мифологии, литературы и других видов искусства.

Ключевые слова и фразы: вёльва; героическая песнь; пророчество; пространство; время; миф творения; метафора; символ.

Самарин Дмитрий Александрович, к. филол. н.

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, г. Якутск
d.samarin.2015@mail.ru

«ПРОРИЦАНИЕ ВЁЛЬВЫ» КАК ФЕНОМЕН СКАНДИНАВСКОГО МИФОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Слово «вёльва» (др.-сканд. *Völva*), имеющее значение «провидица», бесспорно, обязано своим происхождением древнескандинавским мифам. В мифологии скандинавских народов, наиболее богато и красочно отражённой в древнеисландских героических песнях «Старшей Эдды», этот персонаж известен также под обозначениями валы (*Vala*) или спакуны (*Spákona*). Женщины-пророчицы, почитаемые древними германцами в качестве божеств, были хорошо известны уже в эпоху римского историка Публия Корнелия Тацита (ок. сер. 50-117 гг. н.э.). «Прорицание вёльвы» логично открывает цикл песней «Старшей Эдды», представляя собой своеобразное и яркое введение в канву многоликих сюжетов и характеров древнескандинавской мифологии. Сама же вёльва выступает в этой песни в роли рассказчицы и хронолога, оценивающего произошедшие и ещё грядущие события. Актуальность рассмотрения песни «Прорицание вёльвы» вызвана необходимостью новой оценки её культурологического и литературного значения, а также поиска содержащихся в ней культурных кодов. В этой связи цель настоящей статьи заключается в анализе языка и стиля этого произведения в контексте скандинавской мифологической традиции.

«Прорицание вёльвы» (др.-сканд. *Völuspá*) содержится в древнеисландской рукописи *Codex Regius* («Королевского кодекса») (исл. *Konungsbók*) (ок. 1270 г.) и в Книге Хаука (исл. *Hauksbók Codex*) (ок. 1334 г.), но содержание этих рукописных памятников намного древнее. Автором, а скорее компилятором, «Старшей Эдды» может являться Сэмунд Сигфуссон (известный иначе как Сэмунд Мудрый) (1056-1133). По мнению Л. Эйнарсона, распознаваемая форма «Прорицания вёльвы» с определённой степенью достоверности также может датироваться ранее чем 1200 г. [13, р. 4]. Содержание «Прорицания вёльвы» позднее было перефразировано исландским скальдом, прозаиком, историографом и политиком Снорри Стурлусоном (1179-1241) в его прозаической «Младшей Эдде» (ок. 1220 г., древнейшая сохранившаяся рукопись – ок. 1300 г.). В первой песни «Старшей Эдды» вёльва – это особая пророчица, очнувшаяся от смертного сна по велению бога Одина. Она должна поведать ему о судьбах как мира, так и самих богов: «Один, ты хочешь, чтоб я рассказала о прошлом всех сущих, о древнем, что помню» [5, с. 207]. Примечательно, что сюжет «Прорицания вёльвы» наиболее тесно перекликается со «Снами Бальдра», в которых также повествуется о картине возникновения и дальнейшей гибели мира. В этой относительно короткой песни вёльва спрашивает Одина: «Что там за воин, неведомый мне, что в путь повелел мне нелёгкий отправиться?» [7, с. 380]. Сам Один представляется ей как Вегтам (одно из его многочисленных имён в скандинавской мифологии), сын Вальтама. Цель Одина при этом так же, как и в «Прорицании вёльвы», состоит в том, чтобы узнать у вёльвы и о своей собственной судьбе, и о судьбе всего мира. И вёльва, рассказывая о прошлом и будущем, погружается в воспоминания.

Как известно, пророчества непосредственно связаны с обострённым чувственным восприятием (видением) мира. И абсолютно неслучайно, что самая знаменитая песнь «Старшей Эдды» – «Прорицание вёльвы» также представляет собой видение. В ней содержится грандиозная и в то же время драматически напряжённая картина истории мира от момента его сотворения и золотого века (эти события вёльва или «помнит», или «видела») до его трагического краха – так называемой гибели богов – и второго рождения, которое должно стать торжеством мира и справедливости (тех событий, которые вёльва «видит»). Зарождение мира, в соответствии с «Прорицанием», выглядело как картина всеобъемлющей (но и не исключительной) пустоты: «В начале времен, когда жил Имир, не было в мире ни песка, ни моря, земли еще не было и небосвода, бездна зияла, трава не росла» [5, с. 207]. Размышляя об особенностях времени в скандинавской мифологии, М. И. Стеблин-Каменский в своей книге «Культура Исландии» подчёркивал: «Конец мира, по-видимому, будет в будущем, но он вместе с тем как будто уже был в прошлом» [9, с. 75]. На этом основании исследователь обращал внимание на тот факт, что в «Прорицании вёльвы» граница между прошлым и будущим совершенно неясна и фактически стёрта. В статье «Время в эддическом мире» Л. А. Шарикова и Ю. А. Кузнецова подчеркивают:

«В цепи возникновения мира важную роль играет великан Имир, который представляет собой персонажную ипостась времени/пространства» [12, с. 173]. В этом отношении песни «Старшей Эдды» находят параллели и в других мифологических системах народов мира. Но, например, по сравнению со «Старшей Эддой» «Младшая Эдда» даёт более конкретное представление о конце мироздания.

В стремительном переносе из прошлого в будущее просматривается воссоздание пустоты (Ничто) как состояния мира, предшествовавшего Творению. А. П. Бондарев проанализировал «Прорицание вёльвы» с учётом достижений структуралистского учения. В статье «Автор, герой и рассказчик в эстетической деятельности» он аргументировал: «Вёльва, не ведая об этом, прибегает к открытому структурализмом XX в. приёму “проведения через разное – вычитание”, поскольку погруженный в Бытие сказитель не может иначе помыслить себе Небытие» [2, с. 257]. Этот философский анализ также доказывает общую эволюционную направленность древней исландской песни. Своёобразным маркером-измерителем времени служит и Мировое Древо, представляющее собой очевидную онтологическую метафору, потому что с его возникновением появляется и сам древнегерманский Космос. Сама вёльва говорит о начале времени так: «Помню девять миров и девять корней и древо предела, ещё не проросшее» [5, с. 207]. В этой строфе показано, что она помнит времена до прорастания ясеня Иггдрасиль. И, хотя какие-то миры уже существовали, эта фаза ещё не была временем существования эддического космоса.

В мифологических традициях огромное значение придаётся силе слова. Особенно этот фактор проявляется в песнях «Старшей Эдды». Рассматривая действие силы слова, А. А. Соснина в статье «Магические свойства слова и их отражение в индоевропейских языках» подчёркивала, что определение судьбы с помощью слова раскрывается в эддическом мифе творения. В соответствии с «Прорицанием Вёльвы», сначала в мире «не было ни песка, ни моря, бездна зияла, трава не росла», «солнце не ведало, где его дом, звёзды не ведали, где им сиять, месяц не ведал мощи своей» [Там же]. Но уже следующий фрагмент песни связан с упорядочиванием вселенной: «Тогда сели боги на троны могущества и совещаться стали священные, ночь назвали и отпрыскам ночи – вечеру, утру и дня середине прозвище дали, чтоб время исчислить» [Там же, с. 207-208]. Момент совещания богов далее повторяется в песни. Характеризуя этот отрывок, А. А. Соснина отмечала: «Таким образом, время и мир творятся путем называния их частей, при этом творятся существами, название которых этимологически родственно с русскими словами *рок* и *речь*» [8, с. 168]. Это замечание также демонстрирует определяющую и создающую роль слова в любой мифологии.

Элемент «знания» вновь возникает по мере развития повествования вёльвы: «Ясень я знаю по имени Иггдрасиль, древо, омытое влагою мутной» [5, с. 209]. В работе о ясеня Иггдрасиль как о дереве-символе С. С. Калинин делал вывод о том, что «древнегерманский Космос, его пространственные и временные формы начинают свое существование лишь только с появлением Мирового Древа» [3, с. 162]. Но если начало времени синхронно с появлением Иггдрасиля, то вёльва – вневременное существо, не подчиняющееся его законам. В «Прорицании вёльвы», как отмечала А. Гилмор, концепция «мирового древа или мировой оси», связанная с Иггдрасилем, соотносится с представлением дерева «как центра древнескандинавского мироздания» [14, р. 17]. Неслучайно ясень воспринимается мифологическим сознанием скандинавов как центральный пункт и символ пространства. С другой стороны, вёльва, повествующая о сотворении мира, соответственно, предстаёт здесь архетипом и олицетворением и судьбы, и вечности.

Значение знания вёльвы полноценно раскрывается при её встрече с Одином. Последнему она сообщает: «Знаю я, Один, где глаз твой скрыт: скрыт он в источнике славном Мимира!» [5, с. 210]. Вёльва вспоминает первую в мире войну – между асами и ваннами. В обмен на ожерелья и кольца ведунья раскрывает Одину в своём прорицании последствия убийства светлого бога Бальдра, сына Одина и Фригг. М. И. Стеблин-Каменский спрашивал, что Бальдр – «единственный бог, о котором рассказывалось только хорошо» [9, с. 74]. И ему суждено было погибнуть от побега омелы: «Стал тот побег, тонкий и стройный, оружием губительным, Хёд его бросил» [5, с. 211]. Подстрекатель Хёда Локи, бог хитрости и обмана, был сурово наказан, что стало причиной новой войны – между богами и великанами.

На первое место в речи вёльвы постепенно, как подчёркивала Т. В. Топорова, выдвигается глагол «видеть». В статье «Об омонимии в “Старшей Эдде”» она указывала: «В эддической модели мира глагол *‘видеть’* относится к эпистемологической сфере, так как *прозрение* эквивалентно *знанию*, постижению тайн мироздания» [10, с. 164]. В данном случае лучше всего изофункциональность названного глагола демонстрирует трижды повторяющийся в «Прорицании вёльвы» контекст: *fiöld veit hon froeda, fram sé ec lengra // um ragna röc, römm, sigtýva* (Vsp. 44; 49; 58). / «ей многое ведомо, все я провижу судьбы могучих славных богов» [5, с. 212]. Повторное упоминание способности вёльвы к предвидению отчётливо демонстрирует значение этого экстрасенсорного качества в скандинавской мифологии. Этот же контекст связывает воедино события прошлого, настоящего и будущего, о которых говорит вёльва.

В «Прорицании вёльвы» повествование о конце мира начинается с внезапного скачка из прошлого, отображенного процессом инициации в рассказе прорицательницы о сакральном происхождении вселенной, в будущее, о котором вещает вёльва. Но будущее это представляется довольно мрачным, поскольку оно связано с неизбежностью битвы между богами и великанами, которую предвещает и освобождение Фернира: «Гарм лает громко у Гнипахеллра, привязь не выдержит – вырвется Жадный» [Там же]. Лай Гарма символизирует надвигающуюся на Асгард опасность, и повторы призваны усилить этот эффект. Л. А. Шарикова и Ю. А. Кузнецова констатировали: «Вторжение враждебных сил приводит к разрушению мира (времени/пространства), изображение которого отличается динамичностью и драматизмом: рушатся горы, раскалывается небо, падают звёзды, уничтожается солнце, земля тонет в море, погибают боги» [12, с. 175]. Эту же мысль провела в статье

«Сегментная многоуровневая структура древнегерманского концепта “Огонь”» А. К. Устюжанина: «Идея разрушения посредством огня для последующего возрождения переключается с древнеисландским “Прорицанием Вэльвы”, где мир погибает в огне, но после возрождается вновь» [11, с. 60]. Эсхатологическая картина завершается возрождением вселенной, появлением новых пространства и времени, равно как и обновлением миропорядка новым поколением богов.

Постепенно рассказ вэльвы плавно перетекает к разрушению мира: «Трепещет Иггдрасиль, яшень высокий, гудит древний ствол, туре вырывается» [5, с. 212]. В этом случае мировое древо исполняет функцию предвестника надвигающейся вселенской катастрофы. В «Снах Бальдра» вэльва безапелляционно заявляет потревожившему её покой Óдину: «Отныне сюда никто не придёт, пока свои узы Локи не сбросит и не настанет гибель богов» [7, с. 381]. М. И. Стеблин-Каменский так комментировал наступление хаоса: «Начнутся жестокие войны. Братья поднимут руки друг на друга, и никто не пощадит ни родного отца, ни родного сына» [9, с. 75]. При этом один волк проглотит солнце, а другой – луну, и звезды пропадут с неба. Сотрясения земли приведут к гибели деревьев и обрушению гор. Когда все оковы сломаются, то на свободе окажется зловещий волк Фенрир. Суша будет затоплена, поскольку мировой змей повернётся в море и ползет на берег. Затем расколется небо и прискачут сыны Муспелля, а впереди них – великан Сурт: «На иоле Вигрид Сурт едет с юга с губящим ветви, солнце блесит на мечех богов» [5, с. 213]. Затем на равнине Вигридр Óдин вступил в сражение с Фенриром, а Фрейр – с Суртом. Óдин будет убит Фенриром, но сын Óдина Видар, мстя за него, тут же пронзит волка мечом. Тор убьёт змея Ёрмунганда, но и сам будет отравлен его ядом. Фрейр погибнет в сражении; Хеймдалль будет биться с Локи, а Тюр – с псом Гармом. Видя, что ни зло, ни добро не могут одержать победу в схватке, Сурт обрушит всю беспощадную мощь подвластного ему огня на землю: «Солнце померкло, земля тонет в море, срываются с неба светлые звёзды, пламя бушует питателя жизни, жар нестерпимый до неба доходит» [Там же, с. 214]. На этом драматическом кульминационном моменте и завершится битва сил Тьмы и Света.

Но несомненный эволюционизм «Прорицания вэльвы» заключается в придании космосу циклического характера. Наряду с отображением ужасных бедствий, жестокостей и разрушений, вэльва ведёт речь и о возрождении мира: «Видит она: вздымается снова из моря земля, зеленея, как прежде» [Там же]. Снова на Идавёлль-поле встретятся асы, и начнутся их мирные беседы. Затем вернётся и Бальдр, который мирно будет жить с Хёдом в чертогах Хрофта. Логическим завершением прорицания служит и сцена исчезновения самой вэльвы с прилётом чёрного дракона Нидхёгга.

«Прорицание вэльвы», равно как и другие песни эдического цикла, получило отражение в искусстве, особенно в литературе, Нового времени. Например, своё перерождение песнь о вэльве обрела в творчестве английского поэта-сентименталиста XVIII в. Томаса Грея (1716-1771). Д. Г. Алилова напоминала, что этот автор делил свои поздние оды на «готические» (Gothic) и «валлийские» (Welch). В статье «“Сумерки богов”: мифология пророчества в “готических” одах Томаса Грея» она отмечала: «“Заклинание Óдина” (Incantation of Ódin) – под таким названием в “Дневнике” Грея даётся одно из первых упоминаний об оде, вышедшей в свет как “Песнь о Вегтаме, или Нисхождение Óдина” (The Vegtams Kvitha; or The Descent of Ódin)» [1, с. 3]. И, соответственно стилю автора, в оде Т. Грея Óдин представляется пророком как Путешественник (Traveller), сын Воина (Warrior’s son), чем в общих чертах и передаётся значение кеннингов (метафор, характерных для скальдической поэзии) «Прорицания».

В XX столетии сюжетные линии «Прорицания вэльвы» стали не только объектом исследования лингвистов, литературоведов и историков – А. Хойслера, Ф. Йонссона, Г. Неккеля, Е. М. Мелетинского, М. И. Стеблина-Каменского и многих других. К этой песни также обратились и различные создатели новых фантастических миров. У Дж. Р. Р. Толкина (1892-1973), знаменитого английского автора фэнтези, поэта и переводчика, в его «Хоббите» список имён гномов полностью взят из «Прорицания вэльвы». Рассматривая «Хоббита» и «Властелина колец» в статье о Дж. Р. Р. Толкине, Ю. Н. Карыпкина указывала, что их объединяет Гэндальф: «Связующим звеном со скандинавской культурой является само имя мага» [4, с. 100]. В современности сюжеты «Прорицания» встречаются также в обширном творчестве российского писателя-фантаста Ника Перумова. Так, в «Боргильдовой битве» он создал оригинальный мир, в котором действуют персонажи эдического цикла. В статье, посвящённой разбору этого произведения, В. А. Романов и О. Ю. Осьмухина отмечали, что автор намеренно отошёл от текста «Старшей Эдды»: «Рагнарёк свершается, но совсем не такой, который предрекла вэльва» [6, с. 72]. Сюжеты и отдельные события, связанные с пророчеством колдуньи, можно увидеть в различных художественных фильмах о жизни жителей Асгарда – Óдина, Тора и Локи. Сцена встречи Óдина с вэльвой обыграна и в одноимённом спектакле «Прорицание Вэльвы», состоявшемся в 2015 г. в Санкт-Петербурге.

Как продемонстрировало исследование «Прорицания вэльвы», движущей силой скандинавской мифологии является сочетание и антагонизм космогонических и эсхатологических мотивов, в целом имеющее универсальные черты в мировой культуре. При этом была выявлена связующая и текстообразующая роль намёков, напоминаний и повторов фрагментов песни. В процессе анализа также была показана релевантность учёта речевых особенностей персонажей «Прорицания вэльвы», помогающего составить лучшее представление о языковой личности героев скандинавских мифов. Идеиное влияние «Прорицания вэльвы» на дальнейшее развитие как скандинавской, так и общеевропейской культуры подтверждается ростом интереса к этому эпическому произведению в литературе, кинематографе и других разновидностях современного искусства. Это, в свою очередь, подтверждает общее культурологическое и историческое значение «Прорицания вэльвы» как памятника старины.

Список источников

1. Алилова Д. Г. «Сумерки богов»: мифологема пророчества в «готических» одах Томаса Грея // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Язык и литература. 2009. Вып. 2. Ч. 1. С. 3-10.
2. Бондарев А. П. Автор, герой и рассказчик в эстетической деятельности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. Вып. 11 (644). С. 245-258.
3. Калинин С. С. Образ-символ Мирового Древа в древнеисландской лингвокультуре: опыт лингвогенетического анализа // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 3. № 2 (62). С. 161-164.
4. Карыпкина Ю. Н. Тема волшебства в повести Дж. Р. Р. Толкина «Хоббит: Туда и Обратно» (лингвоэтническая интерпретация) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66). Ч. 1. С. 100-103.
5. Прорицание вэльвы // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Эксмо, 2014. С. 207-214.
6. Романов В. А., Осьмухина О. Ю. «Роман альтернативной мифологии» в контексте современного отечественного фэнтези (на материале «Боргильдовой битвы» Ника Перумова) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 1. № 2. С. 67-75.
7. Сны Бальдра // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Эксмо, 2014. С. 380-381.
8. Соснина А. А. Магические свойства слова и их отражение в индоевропейских языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (63). Ч. 1. С. 168-171.
9. Стеблин-Каменский М. И. Культура Исландии. Л.: Наука, 1967. 182 с.
10. Топорова Т. В. Об омонимии в «Старшей Эдде» // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 4. С. 160-166.
11. Устюжанина А. К. Сегментная многоуровневая структура древнегерманского концепта «Огонь» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 10 (138). С. 58-62.
12. Шарикова Л. А., Кузнецова Ю. А. Время в эддическом мире // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2006. № 6 (57): в 2-х ч. Ч. 1. С. 172-175.
13. Einarson L. Re-forging the smith: an interdisciplinary study of smithing motifs in Völuspá and Völundarkviða: PhD Thesis. L. – Ontario, Canada: University of Western Ontario, 2011. XI+284 p.
14. Gilmore A. Trees as a Central Theme in Norse Mythology and Culture. An Archaeological Perspective // Scandinavian-Canadian Studies / Études scandinaves au Canada. 2016. Vol. 23. P. 16-26.

“VÖLUSPÁ” AS A PHENOMENON OF SCANDINAVIAN MYTHOLOGICAL DISCOURSE

Samarin Dmitrii Aleksandrovich, Ph. D. in Philology
M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk
d.samarin.2015@mail.ru

The article examines the culturological and mythological component of “Völuspá” – the first and most famous of “Elder Edda” songs. The analysis of this song indicated the special role of cosmogonic and eschatological motives for Icelandic and, in general, Scandinavian culture. By the example of this monument of Old Icelandic literature the author shows the importance of references and repetitions in the Eddic tradition. The paper describes the basic speech features typical of the heroes of Scandinavian myths. The findings lead to the conclusion that “Völuspá” had ideological influence on the further development of Scandinavian and European mythology, literature and other kinds of art.

Key words and phrases: “Völuspá”; heroic song; prophecy; space; time; creation myth; metaphor; symbol.

УДК 821.111

Дата поступления рукописи: 06.05.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.11>

В статье сравнивается творчество американского поэта Роберта Фроста и британского поэта Эдварда Томаса, которых связывала крепкая и плодотворная «парнасская» дружба, хотя и недолгая из-за гибели последнего на Первой мировой войне. Томас, видный литературный критик, упрочил поэтическую репутацию Фроста, который, в свою очередь, способствовал его самовыражению в поэзии. Поэтов объединяло и творческое родство. Оба, независимо друг от друга, разработали теорию «стихов для слуха», избегая при этом крайностей. Оба, предпочитая сельскую жизнь городской, писали на тему природы, причём каждый создал свой неповторимый поэтический микрокосм. Автор показывает сходство и различия этих поэтических миров.

Ключевые слова и фразы: Эдвард Томас; Роберт Фрост; поэзия XX века; тема природы; пейзажные описания; «стихи для слуха»; поэтический микрокосм.

Талызина Елена Викторовна

Самарский государственный технический университет
elanor68@mail.ru

**«РОДСТВО В РАЗЛИЧИИ»: ТЕМА ПРИРОДЫ
 В ПОЭЗИИ ЭДВАРДА ТОМАСА И РОБЕРТА ФРОСТА**

Американский поэт Роберт Фрост (1874-1963) и британский поэт Эдвард Томас (1878-1917) лично общались только один год и потом ещё два года переписывались [4, р. xxxii]. Тем не менее, когда последний